

Здесь вольный дух казачий не угас...

Диана Кан

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая вьюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы,
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшэй, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная не даром
Як-реку́ строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смиренье?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

Вдоль по камушкам Кама бежала –
Своенравная песня-река.
В Волгу вовсе впадать не желала –
Мол, я ей не простушка Ока.

Я раздольнее, шире, древнее...
Кто перее – открытый вопрос.
Кто во мне усомниться посмеет?
Кто в меня не поверит всерьёз?

Говорила Оке, говорила –
Не роднилась бы с Волгой-рекой.
И объятья её отклонила,
Впредь оставшись свободной Окой.

Что бы проще? Сбежав от истока,
Суверенный блюсти интерес.
И небес лучезарное око
Отразив, разливаясь окрест.

Но сестрица не вняла совету,
 Восприяла совет за навет...
 Эй, откликнись, Ока моя, где ты?
 Песня, волжская песня в ответ!

Что тут думать и сетовать долго,
 Волгу лютой захватчицей клясть?
 Проложу-ка я русло под Волгой,
 Чтоб в объятья её не попасть!

Чёрный ворон поможет мне в этом.
 Каркни, милый, как выйти на свет!
 Коли ты не родился поэтом,
 То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною камня,
 Кама глубже под землю пошла...
 Но в заветное это мгновенье
 Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон, от страха и злобы
 Перепулав, кто грязь, а кто князь.
 Из земной потаённой утробы
 Вышла Кама и – с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
 Голубая печаль глубока.
 Обнимается с Камой сестрица –
 Вдохновенная Волга-река!

До часу рожденья тихи,
 О славе мечтая едва ли,
 В душе вызревают стихи –
 Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
 Что Господом Богом назначен.
 И между лирических строк
 Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
 Как смотрит Творец на творенье:
 «Откуда взялось ты на свет?» –
 Не в силах унять изумленья.

Ей не впервой по осеням невеститься,
 Ведь за погляды денег не берут,
 Не призывая на себе повеситься
 По автострадам мчащихся иуд.

Ты можешь кипятиться, спорить, ссориться,
 Но разве не иуды ты и я,
 Сбежавшие когда-то в мегаполисы
 От сельского наивного житья?

Полным полно таких по мегаполисам
 Серебренникам скорбный счёт ведут...
 За нас она и кается, и молится,
 За нас, за неприкаянных иуд.

Она дрожит, не злясь на нас нисколечко.
 Невинная – исполнена вины!
 И добавляет терпкой зябкой горечи
 В осенние пророческие сны.

И жарко закипают богоданные
 Предательские слёзы на щеке,
 Когда осина, солнцем осиянная,
 Сгораёт на осеннем сквозняке.

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведает цену,
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

Родничный дол... Саринский сырт...
А недалече Колтубанка
Верстах в девятистах лежит –
Усталых путников приманка.

От громких городских сюит
Сюда сбегают за свободой...
Здесь речка Бузулук струит
Свои лирические воды.

Медовым светом залит бор,
Слагающий лесные сказки.
Здесь Приуралье с давних пор
С Поволжьем обнялись по-братски.

Не абы как, не как-нибудь,
Но до сих пор с имперским тактом
Здесь Пушкин пролагает путь
Мятежным пугачёвским трактом.

Официозы все поправ,
Придворных и приТворных оды,
От питерских сюит сбежав,
В Россию едет – за свободой!

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взаклѐб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень – очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

Ипомея, эустома –
Замечательный букет.
Сердца сладкая истома
Мотыльком летит на свет.

Эустома, ипомея –
Несравненная латынь.
На меня поднять не смеешь
Глаз есенинскую синь.

Дрогнет ясень-оборванец –
Золотая голова...
С ветерком заводит танец
Босоногая листва.

Жаль, что я не Айседора
И, тем паче, не Дункан...
Но забудешь ты не скоро –
Никогда! – Диану Кан.

Лучших слов сегодня – мало.
Но пойми же, милый мой –
Поэтессе не пристало
На ветру плясать босой.

Эустом я не просила...
Если ты и впрямь поэт,
Подари мне лучше, милый,
Шалых листьев жар-букет.

Неугомонная семейка
На волжских продувных ветрах –
Обшаровка, Барыш, Налейка
Продулись нынче в пух и прах.

Они кого обшарить – знали,
Наклад перевода в барыш.
Чужого-лишнего не брали,
А что положено – шалишь!

По Волге правили дорогу,
Песнь заводя в глухой тоске.
Пошаливали понемногу
По вольной матушке-реке.

И, обходя в дороге мели,
Взметали парус в небосвод.
Княжну персидскую жалели,
Что скинул Стенька в бездну вод.

...Но стоило мне согласиться –
Такой-разэтакий Степан,
Как начинали вдруг коситься:
«Цыц, женщина Диана Кан!»

...Плесни и мне, Налейка, что ли,
Винца, аль я здесь не своя?!
Я с теми пью, кто выбрал волю
На перекрёстках бытия.

Кто Волгу-матушку прославил,
Как гулеван-казак Степан,
Кто дважды с братанами грабил
Один и тот же караван.

Я пью за тех, чьё слово метко,
За тех, кто встречу идти посмел,
Кто правил по народным меркам
Родимый волжский беспредел.

А на вопрос: «Где клад заветный,
Что в Жигулях сховал Степан?..»
Считал единственным ответом
Кровавый месяц-ятаган.

Презрев баллады, саги, оды
И обездоленную Русь,
Штудирую гражданский кодекс
Не абы как, а – наизусть!

Сутяжники и кверулянты
Его толкуют вкривь и вкось –
Все те, кто обделён талантом
И на талант лелеют злость.

Живи на свете как угодно.
Будь вдохновен и знаменит.
Но помни – их гражданский кодекс
Тебе презренья не простит.

Изображая неподкупность,
Разводят толки за спиной –
Толкут гнилую воду в ступе
За неимением ключевой.

Судилища да пересуды
Среди излюбленных утех.
Христами мнят себя Иуды,
Шалавы порицают грех.

Здесь я прошла злословья школу
Вживую – вовсе не из книг...
«Подонки!» – крикну для прикола.
Все обернутся в тот же миг!

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
 Как опосля креплёного винца,
 В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
 И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
 Названия, что помнят старину,
 Для слов, что от рождения крылаты,
 Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
 Стихи, что родились не налегке,
 Верглявой Пьяне и лесной Сноведи,
 И затаённой Заповедь-реке.

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность ни спросили,
 Я вспоминаю вовсе не Москву!
 Столицей вдохновения России
 Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
 Сюда я ни приехала опять,
 Я босиком по рощице Лучинник
 Люблю, подобно Пушкину, гулять.

В той роще, как поэт непредсказуем,
 К моим устам таинственно приник,
 Меня сжигая страстным поцелуем,
 Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
 О вечном, право, лучше помолчать...
 Но здесь я в каждом встречном-поперечном
 Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
 К девчатам здешним, коих краше нет,
 Дававший фору записным красавцам
 Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
 На улицах встречаются порой,
 Что разом забываешь про столицы,
 И все столицы кажутся – дырой!

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
 Смотрит с иконы Владимир Креститель,
 Как на столе воцарился кулич,
 И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
 Видя, как крашенки-яйца лелеют,
 Смотрит, лукаво нахмурившись, дел,
 Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
 И живописцем себя ощущая,
 Словно окрестная вся детвора,
 Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
 Словно в красивую добрую сказку.
 Как живописен мой соцреализм
 Майской порой на советскую Пасху!

Бабушка средь суеты загрустит:
 В храм бы, да вот искушает нечистый.
 Дедушка в храм ей идти не велит.
 Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
 Я вдохновенной гуашью рисую.

Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

Не в Москву, не в Мадрид, не в Лютецию...
Досмотрев снеговейные сны,
Оренбург превратился в Венецию
Мановеньем царевны-весны.

Погрозила царишна пальчиком.
А на пальчике том – изумруд.
Матом кроют весну коммунальщики
И с сугробами битву ведут.

Оренбургская лужица каждая
Океаном себя нынче мнит.
Разлеглась под ногами, вальяжная...
Разъедрит и Москву, и Мадрид!

Всех царевна-весна подытожила,
Утопила в воде, как котят...
Чертыхаются хмуро прохожие –
Гондольерами быть не хотят!

Что вы ходите мрачными тучами,
Позабыв про наследье отцов –
Ободритов, дреговичей, лютичей –
Основателей всех городов?

Наши предки-венеды Венецию
Основали – им всё нипочём!
Ну, а лютичи – город Лютецию –
Ту, что ныне Парижем зовём.

Мы в России жнецы и старатели.
Мы швецы, на дуде игрецы...
Засмурнели зачем, создатели?
Приуныли почто, стервецы?

Ну подумаешь – Швеция, Греция!..
Не грустите, ведь жизнь удалась.
Распахните окошки в Венецию,
Не теряя с Отчеством связь.

Край мой мятежный.
Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой, далёкий от Первопрестольной,
Горем завейся – Москва не услышит.

Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?

Царь ли царевич? Король королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.

Что приуныл, опечаленный в стельку?
Что пригорюнился, счастья не чая?
Где ж он – твой царь самозванный Емелька?
Чай, ты слуЧАем по нём не скучаешь?

Тёплым платком оренбургским закутай
Зябкую степь, что от ветра продрогла...
Вспомни свою залихватскую удаль
И выходи на большую дорогу.